

◆ ОЛЕГ ЕРНЕВ ◆

АНТИЧНОСТЬ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ИРОНИИ

Олег Аскерович Ернев

Античность сквозь

призму иронии (сборник)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27097169
Ернев О. А. Античность сквозь призму иронии: 2014*

Аннотация

Ернев Олег Аскерович – российский прозаик, драматург, либреттист. Член Союза писателей, Союза Театральных деятелей, Гильдии драматургов Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского Союза Искусств.

С 1986 года печатается и ставится в театрах. Пьесы «Мы пришли» и «Когда Спящий проснется» прошли по многим театрам Советского Союза. Совместно с композитором Виктором Плешаком работает для драматических и музыкальных театров. Такие мюзиклы, как «Инкогнито из Петербурга», «Ночь перед Рождеством», «Женитьба» были поставлены во многих театрах России. Параллельно драматургической деятельности выпускает детские книги и прозу. Продолжает эту работу и поныне.

Содержание

Античные шутливые истории	6
Аристипп	8
Аристипп и Дионисий	8
Аристипп и книжник	9
Аристипп и ученик	11
Аристипп на коленях	12
Аристипп на корабле	14
Ответ Аристиппа	15
Диоген	17
Диоген и Аристотель	17
Диоген и борец-неудачник	18
Диоген и кифарист	20
Диоген и лучник	21
Диоген и Македонский	23
Диоген и Платон	25
Диоген и старуха	27
Диоген и ученик	28
Диоген	29
Дионисий	31
Дионисий и Асклепий	31
Дионисий и Филоксен	32
Исократ	36
Исократ и болтун	36

Оратор Исократ	37
Менандр	40
Менандр и комедия	40
Менандр и Филемон	41
Сократ	43
Метод Сократа	43
Сократ и гости	45
Сократ и задумчивый жених	46
Сократ и Ксантиппа	47
Сократ и побои	49
Спартанцы	52
Прыткий юноша и спартанка	52
Спартанец и скала	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Ернев
Античность сквозь
призму иронии (сборник)

© О. Ернев, текст, 2014.

Античные шутливые истории

Автор благодарит Станислава Венгловского за его книгу «Античный анекдот», послужившей источником вдохновения для создания сборника «Античные шутливые истории».

Аристипп

Аристипп и Дионисий

- О, Дионисий, – Аристипп сказал тирану, —
Дай денег мне, и я счастливей стану.
- Дать денег, Аристипп? Но ты ведь учишь сам,
Что ты нужды не знаешь. И словам
Твоим я доверяю. Ведь философ
Ни града не боится, ни морозов,
Ни солнечных лучей. Его труды —
Лишь только размышление. И плоды
Оно мыслителю приносит золотые.
Я прав?
- Ты прав. Действительно, нужды я
Не знаю.
- Да, но деньги...
- Ты их дашь.
- Но логика...
- Её на абордаж
Возьмём, когда приблизимся к монетам,
Не забывая вывода при этом.
Я подтверждаю правдивость моих слов,
Не нарушая логики основ.
И, взяв мешочек золотом набитый,

Сказал тирану он с улыбкой ядовитой:
«Вот моего учения плоды:
Ты видишь – я не ведаю нужды».

Аристипп и книжник

– Я, Аристипп, не выходя из дома,
Читаю в день по три-четыре тома.
Нет никого, кто б мог со мной сравниться.
Минута – и прочитана страница.
Уже я книг прочёл, наверно, тысяч сто.
Ну? Впечатляет, Аристипп?
– Нисколько.
– Что?
Не впечатляет? Как? Не хочешь ли сказать,
Что больше книг прочёл?
– Нет. Я люблю читать
Не быстро, понемногу, и к тому ж
Читаю редко.
– Вот как? Почему ж
Не впечатляет?
– Что ж, давай-ка для примера
Сравним двоих: великого Гомера
И бездаря, что в день по тыще строк
Слагает и слагал бы, если б мог,
По две, а то и три тысячёнки.
(Есть и такие старцы и мальчонки).

Ну а Гомер? Две книги: «Иллиада»
И «Одиссея» – вот писать как надо.
Всё в этих книгах: мудрость, глубина,
Страсть, войны, странствия... Одна
Из этих книг уже б прославила поэта.
Он знаменит на все четыре части света.
А тот, второй, издал три тыщи книг.
Его ты знаешь? Нет. И я. Он не велик,
Хотя, как видим, больше в двести раз
Гомера написал.

– Уж это точно.

– Нас

Спасите от такого стихоплёта.

А вот другой пример: допустим, кто-то
Ест мало и неспешно, ну а тот,
Другой, набить торопится живот
Обильной пищей, жадно есть раз десять
В день иль двенадцать. Если взвесить
Его – полтонны весит он.

Так толст, что от него сбежал бы слон.

Кто здоровей из них – кто толст

Иль первый, кто в еде умерен, прост?

– Конечно, первый.

– Вот ответ, приятель:

Не тот умён, кто тысяч книг читатель,

А, как нас учит жизнь сама,

Тот, кто читает с пользой для ума.

Аристипп и ученик

Был Аристипп учеником Сократа.
Попасть к нему в ученики – награда
Для всех желающих. Какой-то гражданин
Привёл к нему юнца.
– Вот, Аристипп, мой сын:
Балбес, наглец, глупец, тупица.
Добился палкой я желанья учиться.
Привёл к тебе в ученики. Сократ
Мне говорил, ученикам ты рад.
Но ты учти: какие есть пороки,
Все в нём сосредоточились. О, Боги!
Как я замучился с мальчишкою. Так что ж?
Возьмёшь?
– Возьму.
– А денег что возьмёшь?
– Полтыщи драхм.
– Да ты сошёл с ума!
– Не думаю.
– Да это ж денег – тьма!
За этого – такие вот деньжищи?
Я не ослышался?
– Я повторяю: полтыщи!
– Невероятно!!! – На лице отца борьба
Двух сил явилась. Он вскричал поспешно.
– На эти деньги я раба куплю!

– Конечно.

И будет у тебя, мой милый, два раба.

Аристипп на коленях

Друг Аристиппа, некий Аристон
Был Дионисием приговорён
К повешенью. И Аристипп тирана
Просил о милости так рьяно
И так настойчиво, что надоел ему.
– Ещё раз явишься, и... сам пойдёшь в тюрьму! —
Но Аристипп пришёл в четвёртый, в пятый раз
И перед самой казнью. Был указ
Уже зачитан. Вызван был палач.
Из дома жертвы доносился плач.
– Не заступайся, он сегодня зол, —
Друзья сказали. – В бешенстве он стол
Перевернул. Там столько было блюд
И вин заморских. На расправу крут
Сегодня наш тиран, великий Дионисий,
И ты с твоим умом, с твоей повадкой лисей...
А в дипломатии тебе ведь равных нет.
И даже Диоген, который на весь свет
Тебя позорит, лизоблюдом называя
И подлецом, не признавая
Твоей с тираном дружбы – даже он
Твоим уменьем восхищён

Распутывать узлы, что крепче стали.
Твоё искусство на себе мы испытали,
За что тебя и любим. Но поверь:
Закрыта к милостям тирана прочно дверь.
Иль хочешь ты, чтоб мы печальным взглядом
Смотрели, как качаетесь вы рядом?
Уймись, смирись. Надежды не осталось.
— Надежда есть всегда. Коль мне досталась
Такая участь, чашу выпью
Я до конца. И из тирана выбью
Пощаду или же... — Тут вышел тот,
К кому он шёл. Его приветствовал народ
Восторженно. И Аристипп — к тирану.
Его увидев, тот: «И не проси, не стану
Я слушать! Нет!» — Но, на колени пав,
Ему философ: «Дионисий, ты не прав!
Он не заслуживает смерти. Но, однако,
Я — на коленях! Диоген-собака,
Ты знаешь, засмеёт меня. Плевать!
Но на коленях буду я стоять
И день, и два, и три...»
— Ну, ладно, ладно, —
Ответил Дионисий. — Мне приятно,
Что ты, гордец, и — на коленях предо мной.
Казнь отменить. Пускай идёт домой. —
И — Аристиппу: «Ты — со мной на ужин.
Прочту стихи. Как критик ты мне нужен».

Ироники, клеветники — мы знаем —

Всегда найдут объект, и долго осуждаем
Он ими будет. Языки такого типа
Прошлись и по поступку Аристиппа.
Мол, на коленях, мол, лизал сапог.
Но Аристипп врагам ответить смог
Достойно: «Да, я испытал за друга страх.
Стал на колени пред тираном я, понятно,
Чтоб просьбу он мою расслышал внятно,
Ведь у тиранов уши – на ногах».

Аристипп на корабле

Философ Аристипп в ученье ввёл
Такую мысль, что человек, как вол,
Всю жизнь трудиться должен, но творенье
Его должно быть плодом вдохновения.
Коль человек – трудов своих творец,
То счастье – вот трудов его венец.
И что не столько важен род деянья,
А важно, что деянье есть познание
Как человека, так и жизненных основ,
Иначе жизнь пройдёт под сенью глупых снов.
Плывя на корабле однажды,
(Корабль попал в жестокий шторм)
Страдал от страха он, от тошноты, от жажды.
Шторма он выносил с трудом.
Пав на колени, он молился,

Чтобы Нептун ему явился,
И он ему сказал бы так: «Нептун,
Ты видишь: я не стар, не юн,
В расцвете сил, и в подземелье Ада
Спускаться не хочу. Да мне туда не надо.
Спаси от смерти! Жертвенных быков
Штук пять я принести тебе готов».
И спутники философа сказали:
«Трусишка Аристипп, а мы не знали,
Что дорожишь своей ты жизнью так».
— Не дорожит своею жизнью лишь дурак, —
Ответил Аристипп. — Бывают люди разными.
О, спутники, мысль выскажу такую:
«Рискуете вы жизнями несчастными,
А я — счастливейшей рискую».

Ответ Аристиппа

Тиран сказал: «Поскольку, ты философ,
Давай пофилософствуй, Аристипп.
Давай нам выдай что-нибудь про рыб,
Про рыб не хочешь — выдай про матросов.
Ну, что-нибудь глубокое и броское,
Короче, что-то очень философское».
— Ты, Дионисий, чересчур уж резв,
Особенно, когда не трезв.
«Давай-ка», «выдай», «что-нибудь поглубже»,

«пофилософствуй»... Ну и глуп же
Ты, Дионисий. Я тебя учу,
Как надо говорить. Но сам, когда хочу
Я говорю, а не когда захочет
Какой-нибудь глупец. Ответь мне: «Разве кочет
Кричит зарю, приказу подчинясь?
А соловей? Нет, он свистит, резвясь,
По зову сердца. Так же и мыслитель,
Когда он погружён в обитель
Свободных и глубоких дум,
То изрекает, что придёт ему на ум.
– Ах, так?! – вскричал тиран. – Тогда в конец
Стола иди. Там, в месте самом дальнем,
Ты будешь одиноким и печальным
На нашем празднике.
– И снова ты глупец:
Ведь хорошо, что место это есть,
И я иду, чтоб на него воссесть,
Всегда тебе покорный, как ты знаешь.
Но, милый мой, ты не подозреваешь,
Что стулу этому оказываешь честь:
Когда твоя закатится звезда,
Забудут место, где сидел тиран-правитель,
Но место то, где сиживал Учитель,
То место не забудут никогда.

Диоген

Диоген и Аристотель

Гуляя, Аристотель размышлял,
Чем киник-Диоген народ свой удивлял,
В чём суть кинизма (а по-нашему, цинизма).
Как сами киники твердили: это клизма
Для умников. Платон – пусторечив,
Стратон – слезлив, Стробоций – молчалив,
Сократ – гордец, а Гераклит так тёмен,
Что кажется другим: глубок он и огромен.
На деле же – пустая болтовня.
А интересно, про меня,
Что говорят они? Чем киник уникален?
Лишь тем, что он парадоксален?
Сбивает с толку неожиданный ответ?
Где ожидаем «да», там слышим «нет»,
И – ум в смятении. О, хитрый Диоген,
Ты пробиваешь крепость стен
Не лбом своим, а каверзным ответом.
Хвалю тебя, ты мастер в деле этом.
Что ж, я оружие твоё
Возьму в свой арсенал, острее, чем копьё
Оно. Вот он идёт, однако.

Задумал что-то Диоген-собака:

Ухмылочка и потирание рук.

Но я сегодня парадокса друг.

– О, Аристотель, ты?

– Привет, лукавый киник.

– Тебе принёс я в дар вот этот финик.

Ты, правда, не берешь...

– (Ага, готов к тому,

Что финик, как обычно, не возьму,

И острое словцо, небось, уж заготовил,

Иронию к словцу тому пристроил.

А я устрою каверзу ему:

Я вместо «нет» поставлю «да» – возьму).

Спасибо, Диоген. Как вкусен финик, право...

– Ты взял?

– Как видишь. Ты растерян? Слава

Оружью твоему.

– Ты никогда не брал...

– Теперь вот взял. Что ж: финик твой пропал,

А с ним ирония, и – что не мало —

Циничное словцо твоё пропало.

Диоген и борец-неудачник

Один борец (он ростом был не мал,

Широк в плечах, с мускулатурой

Довольно развитой, с хорошою фигурой)

Попасть на игры Олимпийские мечтал.
Участником был всех он состязаний.
Но вот беда:
Борцам проигрывал всегда,
И, не имея ни наград, ни званий,
От олимпийца был далёк весьма,
Примерно, как от осени – весна.
Он тщетно занимался физкультурой,
Пред зрителем играл мускулатурой,
Вступая в схватку, через миг
Соперником к земле прижат был крепко,
И хоть силен был, но противник цепко
В замке держал его. И тут же – крик
Судьи. Свисток. И снова схватка
Проиграна. И так из года в год.
Он мучился, страдал, амбиций недостатка
Не наблюдалось в нём. Борцовский пот
Ещё не высох, а он снова вызывает
Соперников. И вновь побед не знает.
Смеялись все над ним.
А Диоген сказал: «Послушай, Никодим,
Не надо, не борись, не мучай тело.
Не победишь. Оставь ты это дело
Тому, кто крепче и сильнее.
Найди себе хорошее занятие.
Спортивная борьба – не радость, а проклятье,
Когда всегда проигрываешь в ней».
И наш борец, представьте, стал врачом,
Послушав мудреца совета.

То с клизмой возится, а то с параличом,
То с порошками разными. На это
Со смехом киник отозвался так:
«А Никодим-то не дурак:
Борцов, которых победить не смог,
Он в мир иной торжественно отправит:
Он клизмами соперников отравит,
А не помогут – то поможет порошок».

Диоген и кифарист

Какой-то человек однажды на базаре
Собрал толпу, играя на кифаре.
Но не в восторге слушатели были,
Они бранились, топали, кричали:
«Чтоб молнии тебя испепелили!!!
Чтоб колесницы в Ад тебя умчали!!!»
Но кифарист с могучими плечами,
Не оскорблённый этими речами,
Играл, собою упоённый,
Так страстно сам в себя влюблённый,
Что, если б камни начали бросать,
Он предпочёл того б не замечать.
Философ Диоген, в раздумья погружённый,
Приблизился к толпе, шумами привлечённый.
Послушав, по плечу похлопал музыканта
И так вскричал: «Я большего таланта

За жизнь свою ни разу не встречал!
Прекрасно!!! Вдохновенно!!! – он кричал. —
О, Боги! Хорошо, что подарили
Ему вы мастерство и голос, что по силе
И красоте с Орфеевым сравню.
Твоей игре я двадцать раз на дню
Готов внимать и слушать твоё пенье!
О, кифарист, о, чудное явление!!!»
– Эй, Диоген! – ему ответил кто-то. —
Ты спятил! Лучше слушать бегемота,
Когда он брачные призывы издаёт,
Его рычание ласкает слух, а тот,
Которому ты хлопаешь в ладоши,
Терзает слух, доводит нас до дрожи.
Ты принимаешь укус за халву.
– Я потому и воздаю ему хвалу,
Что кифарист, телосложением схожий
С гориллою, с такой же страшной рожей,
Грабителем и душегубом мог бы стать,
Вам резать глотки, животы вскрывать,
Но вместо этого он мирно на базаре
Для вас играет, пусть фальшивя, на кифаре.

Диоген и лучник

Какой-то лучник, стрелы взяв и лук,
На площади решил поупражняться вдруг.

Установив мишень, в неё пускать стал стрелы.

Но вот беда:

Летели стрелы не туда,

Куда пускал их лучник неумелый.

Одна, вертясь, под облака взлетела,

Вторая возле уха просвистела

Гулявшего на площади, и он,

Схватившись за ухо, издал проклятья стон.

И третья, и четвёртая, и дале

Куда-то не туда все улетали,

Пугая зазевавшихся людей.

Они кричали лучнику: «Злодей,

Куда ты целишься? Ведь можешь ты кого-то

И ранить и убить!» Но лучник был из рода

Строптивых и упрямых. Продолжал

Стрелять куда попало. Прибежал

На крики Диоген. Такое видя дело,

Он так сказал: «Чтоб избежать удела

Печального, прибегну я к уму.

Стрелец не слышит нас и потому,

Как следствие, я заключаю вывод,

Что есть один парадоксальный выход».

Усевшись под мишенью прочно,

Он закричал прохожим: «Эй! Эгей!

Кто хочет жить, ко мне, сюда скорей!

Здесь его стрелы не достанут точно».

Диоген и Македонский

Жил в бочке Диоген, купался в море,
Горячим тело подставлял лучам,
Беседовал с друзьями по ночам,
Не зная бед, не зная горя,
Питаясь, как нам пишут, только знаньем,
И наслаждался мира созерцаньем.
И вдруг в один прекрасный день
Его накрыла чья-то тень.

– Ты кто? – спросил пришельца Диоген.
– Я – Македонский Александр, дружище.

Я слышал: знание – единственная пища
Твоя. А вместо крепких стен

Вот эта бочка. Значит, ты – отшельник.

– Отшельник? Что ж, пусть будет так.

Хотя какой-нибудь дурак

(А их немало) мнит, что я – бездельник.

Что Александру нужно от меня?

– Полцарства хочешь?

– Мне и полконя

Не нужно твоего, ни в доме полоконца.

Уйди, не загораживай мне солнца.

– А хочешь, я возьму тебя в поход?

– Зачем?

– Ты повоюешь год,

Почувствуешь вкус битвы, звон металла

Услышишь.

– Для чего?

– Чтоб обострённой стало

Чутьё для жизни воспринять.

И мышцы вздулись бы. В железные объятья

Ты б принял мир.

– Я принял. Что потом?

– Потом... потом вернёшься в дом

Иль в эту бочку. И, подобно Богу,

Лежи и наслаждайся понемногу

Чем хочешь.

– Ну, а я что делаю, глупец?

Уйди и дай мне солнце, наконец.

Диоген и Платон

Платон любил ковры. Орнамент их
Был для Платона, как Гомеров стих,
Красив, изыскан, символичен,
Богат, почти метафоричен,
Метафизичен и, признаться надо:
Ковры – всех небожителей улада.

Ну, а Платон среди философов был Бог,
И по коврам своим ходить часами мог
Босой, в раздумьях, и едва ли
Ковры ему не помогали
Плести орнамент мыслей, слов и фраз.
Но киник-Диоген пришёл к нему как раз,
Когда он о Душе обдумывал трактат.
— А, Диоген? Входи. Я очень рад.
И киник, осмотрев философа жилище,
Сказал сердито.
— Я-то думал, пища
Твоя — духовная, и пищи нет иной.
А ты... ты тут передо мной,
Гордясь собой, предметы выставляешь
Роскошные, ты по коврам ступаешь,
Как царь персидский; из сосудов пьёшь
Серебряных, золотых... Богатенько живёшь!
И впариваешь грекам неразумным,
Как хорошо духовным быть и умным,
И что богатство — тлен, и попадать не стоит
Богатству в плен, что лучше быть, как стоик,
Который на материю плюёт.
Да ты, Платон, плутишка ещё тот!
Твоим идеям веры нет отныне.
Твои ковры, шпалеры — знак гордыни.
— Ты б ноги вытер, Диоген.
— Нет, не хочу!
Твою гордыню я, Платон, топчу.
(От ярости он стал багрово-синий).

Топчу!

– Да, топчешь, но... своей гордыней.

Диоген и старуха

Одна старуха – было ей под сто —
Пред зеркалом себя приукрашала.
Как живописец, в баночках мешала
Не то густые снадобья, не то
Белила и румяна или краски,
Потом туда же вылила яйцо,
И мёд, и молоко. И без опаски
Всё это налепила на лицо.
Взяв кисточку, глаза нарисовала,
Но этого ей было мало:
Она ещё нарисовала губы,
Придав им розы алой цвет,
Как черепаха втиснула в корсет
Себя, потом натёрла мелом зубы,
Держа их, разумеется, в руках.
Их, вставив в рот, вскричала: «Ах!».
А после «ах!» раздался крик:
Как видно, прищемила здорово язык.
Всё это Диоген увидел, проходя.
Остановившись, он воскликнул: «О, дитя
И пошлости, и глупости, куда ты
Спешишь, и где тебе, старуха, будут рады?

Коль для живых стараешься – напрасно:
Нет красоты в тебе ни тела, ни души.
А коль для мёртвых, то всё ясно:
Минуты дороги. Спешу. Спешу».

Диоген и ученик

Однажды ученик спросил у Диогена:
«Мы оба киники. Скажи мне откровенно,
За что нас люди бьют, когда в ответ
Мы вместо «да» им отвечаем «нет»?
Или такой поступок совершаем,
Который, в принципе, неожидан?
Вот, например, вчера, валяясь на траве,
Я палкой получил по голове
От юноши. С красоткою под ручку
Он шёл, рукой показывал на тучку.
Красотка хохотала. Тут вдруг я...
Она вскричала, будто бы змея
Ей под ноги... Но надобно признаться:
Я в натуральном виде был, люблю валяться
На солнышке. И я перед девицей
Раскланялся, стараясь не смутиться,
Как ты учил, улыбчивый, нагой.
И тут – удар воинственной ногой.
Я произнёс лишь фразу или две.
И вновь удар – уже по голове.

Удары сыпались, как град. От шалопая
Драчливого сбежать сумел едва я.
Бежал, скуля собакой жалкой.
Ужасно, коль по голове тебя бьют палкой...
Что делать? Как нам голову спасти?»
– Что делать? Шлем покрепче надевать.

Диоген

– Собака-Диоген, ты просишь подаянья
У статуй каменных. В своём ли ты уме?
Быть может, твоё долгое скитанье
Тебя лишило разума? В суме
Твоей нет ни обола. Неужели,
Ты думаешь, что камни в самом деле
Расщедрятся, из бронзы потечёт
В твою суму ручей щедрот?
– Нет, не надеюсь, я же не дурак.
Я просто приучаю себя так
Владеть собой, не злиться и не дуться,
Когда придётся натолкнуться
На те сердца, что холоднее, чем у статуй.
Моё терпенье будет мне наградой.

Дионисий

Дионисий и Асклепий

Асклепий, врачеванья Бог,
В почёте был. Молилась вся столица
У ног его, чтоб он помог
Здоровым быть. Сынишкою гордиться
Мог величавый Аполлон.
Что, впрочем, ежедневно делал он:
Их статуи стояли рядом,
Обласканные восхищённым взглядом
Любого, кто кидал тот взгляд
На статуи. Кидавший час подряд,
От изваяний глаз не отрывая,
То восклицал, то плакал, то, рыдая
От чувств, под ними землю целовал.
Но как-то Дионисий старший
У статуй постояв, печальный и уставший,
Такой приказ издал:
«Асклепий золотую бороду имеет.
От блеска бороды язык немеет,
Не в силах красоты той описать.
Но бороду немедля оторвать!»
– Как?! Почему?! Зачем?! – вскричал народ. —

Что сделала она тебе?

– А вот

Зачем, о эллины, взгляните

На подбородки сына и отца:

У папы гладок он, как стих льстеца,

А сын, в каком, простите, виде?

По пояс золотая бородача.

Для злых сатириков обильнейшая пища.

Они набросятся на тему, как один:

Безусый папа – бородатый сын.

Писакам лишь бы что-то осмеять.

Жаль бороды. Немедля оторвать!

Дионисий и Филоксен

Поэзия – что в ней такого?

Понятно, что основа её – слово,

И рифма, и метафора, и мысли

Желательно, капустой чтоб не кисли.

Эпитеты, сравнения и проч.

Но почему любой не прочь

Вместить своё либидо в рифмы

И не боится, как корабль о рифы

Разбиться в бурном море том,

Что мы поэзией зовём?

Ни умный критик, ни знаток, ни гений

Его не остановят: нет сомнений,

Что к гениям себя причислит он.
О, бездари, вам имя – легион!
Тот – лекарь, тот – портной, а тот – электрик,
Тот – фармацевт, а тот – сантехник,
Тот – грузчик, этот – железнодорожник,
Тот – диспансера венерического кожник.
К профессиям своим, зачем-то вдруг,
Все стали добавлять «поэт» иль «драматург».
Но более всего любой старатель
Себе приписывает: «Я – писатель».
И как-то стало всё наоборот:
Забыв, что женщина имеет женский род,
Во имя, вероятно, политеся
У нас любая поэтесса
Официально заявляет: «Я – поэт».
И от таких поэтов белый свет
Так посерел, так поскущел, стал тусклым.
В поэзию был вход всегда столь узким,
Что – парадокс – но лишь большим талантам
Туда был вход: писателям – Атлантам.
И всё же, почему толпой
Туда стремятся все? Да вот и мы с тобой,
Читатель, мы с тобой туда же...
Уверен я, тебя не зная даже,
Что руки твои тянутся к перу,
И ты на поэтическом пиру
Выискиваешь для себя местечко,
И трепыхается твоё сердечко...
Но я отвлёкся. Дионисий-старший

Был властью наделён монаршей.
Владея всем, одним лишь не владел —
Талантом поэтическим. Но дел
Рифмаческих бросать был не намерен.
Как все бездарности, он был уверен,
Что жаждет мир его стихов.
(Я знаю, Коновалов, ты – таков.
И ты – Метёлкин, да и ты – Зайчук.
Жуются, словно каучук,
Все ваши опусы. Полезных много дел,
Но вы печальный выбрали удел
Быть бездарем и отправлять в печать
То глупое, что должно бы молчать.
Но не о вас я). Дионисий-старший,
Две тысячи стихов создавший
(верней, что под стихами понимал),
Их Филоксену-критику читал.
И Филоксен – а он талантлив был, и музам
Служил, взаимным дорожа союзом —
Тирана выслушав стихи,
Так отвечал: «Стихи твои плохи.
Всё плохо в них: и рифма, и звучанье.
Прости, но твой удел – молчанье.
Брось, не пиши – за умного сойдёшь.
Но если это ты другим прочтёшь...»
И вот однажды – этот же вердикт
На новую поэму. Нервный тик
Мгновенно исказил лицо тирана.
– В каменоломню!!! – он вскричал.

– Как странно, —
Пожал плечами правдолюб. —
Зачем ты, Дионисий, зол и груб?
Ты двадцать написал плохих тетрадок,
А как судьбу мою решать – предельно краток.
Такую краткость – да в твои б стихи.
Но, повторяю, что стихи – плохи.
На рабский труд отправлен Филоксен:
В пещерах камни он выламывал из стен,
Потом он камни те тесал.
А Дионисий всё стихи писал.
По критику соскучился. Уж больно
Любил его за ум, хоть было больно,
Что тот не льстил ему в течение многих лет.
Вдруг он одумался? И вот поэт
Измученный, больной, с иссохшими губами
Стоит перед тираном. Тот стихами
Своими упиваясь, всё сильнее
Свой голос возвышает. И синей
Его лицо от страсти и экстаза.
Красны от напряженья оба глаза.
Со лба обильный льётся пот.
Он кончил и сказал: «Ну... вот...
Тебе поэма... Что ты скажешь? Только помни...»
– Да помню. Отправляй назад в каменоломни.

Исократ

Исократ и болтун

Один болтун

(Он был, хотя и очень юн,

Честолюбив, тщеславен) к Исократу

Пришёл и так сказал: «Я плату

Тебе принёс, какую ты берёшь.

В ученики меня возьмёшь?

Ты должен будешь передать искусство,

Чтоб на любое мог воздействовать я чувство,

Чтоб кто слезами обливался, кто-то потом

Когда б держал я речь перед народом,

Чтоб был я весь в подарках и цветах,

Чтобы меня носили на руках,

Чтобы у воинов вздымались кверху пики,

Чтоб раздавались радостные крики...»

— А сколько ты принёс?

— Вот, пять монет.

Ведь ты берёшь обычно столько.

— Да, за ученье пять, но только...

С тебя пятнадцать. Или нет...

Все двадцать пять.

— Но почему так много?

– А потому, – сказал оратор строго, —
Что слишком трудно будет мне с тобою:
Твои слова с такою частотою,
С такою скоростью летят из этих уст,
Лишь впору под щитом искать от них спасенья.
Чтоб был эффект от моего ученья,
Сосуд быть должен изначально пуст.
Смогу тогда ученье я начать,
Когда я научу тебя молчать.
Ораторству учить – не знает кто же —
Задача исключительно трудна.
Но вот молчать заставить болтуна
В пять раз труднее и в пять раз дороже.

Оратор Исократ

Оратор Исократ
Однажды гостем был на дружеской пирушке.
Его друзья резвились. Их подружки
Им вторили. Оратор был не рад,
Что он попал сюда: гетеры,
Разнообразие блюд и вин,
Крик, хохот, суета без меры.
Средь шума Исократ сидел один,
В молчаньи созерцая пир
Под звуки арф и звучных лир.
К нему одна красивее другой

Гетеры ластились, услуги предлагая.
Танцовщица полунагая,
Изображая, видимо, собой
Венеру в покрывале, станцевала,
Отбросила изящно покрывало.
Венеры стан настолько был хорош,
Что сила эротическая в дрожь
Мужей всех бросила, но... но не Исократ.
Он был недостижим для взгляда,
А также трепетного тела
Танцовщицы, потрясшей зал.
Всесильный Эрос – всех пирушек идеал —
Над ним не властвовал. Предела
Иного жаждала оратора душа.
От возбужденья тяжело дыша,
Гетера к нему села на колени.
По стенам, потолку метались тени,
И кое-где уж раздавались стоны
Любовные, и мраморные столы
Телами заняты ласкающихся пар.
– Ты, кажется, утратил дар,
Что вас, мужчин, от женщин отличает, —
Гетера молвила. – А если нет его,
То женщин большинство
Без дара этого, как правило, скучает.
И, спрыгнув с исократовых колен,
Гетера сразу же попала в плен
к юнцу.
– О, Исократ, – друзья сказали. —

О, Исократ, ты – красноречья Бог.
Никто б из нас, сидящих в этом зале
Тебя переиграть в ораторстве б не смог.
Произнеси ж такую речь,
Чтобы остра была, как меч
Походный наш афинский боевой,
Чтоб красоты была такой,
Что... ну, ты понимаешь сам,
Чтобы взлетели души к небесам,
И увядающие расцвели бы розы,
И в чаши винные скупые наши слёзы...
Ну, и так далее, не нам тебя учить.
– Нет, не просите, я не буду говорить. —
В ответ оратор. – Как я разумею:
То – не ко времени, друзья, что я умею.
А что ко времени, – вздохнул печально он, —
В том, извините, не силён.

Менандр

Менандр и комедия

- Менандр, ты помнишь: праздник на носу
Великих Дионисий? Где же пьеса?
Иль ты не проявляешь интереса?
Вот я свою комедию несу
На конкурс. – Филемон сказал. – Так что же
С твоей комедией? Похоже,
Ты исписался, и отсутствует желанье
Вступить со мною в состязанье?
– Нет, почему ж... Я зрителям дал слово.
– Но чем поклонников ты будешь восхищать?
Где пьеса? Пьесы нет!
– Комедия готова.
Осталось лишь стихи к ней написать.
– И где ж они?
– Вот в этой голове.
– Но ведь осталось две недели.
– Две?
– Ты не успеешь.
– В самом деле?
В отличие от тебя, мне хватит и недели.

Менандр и Филемон

В Афинах жили два поэта:
Менандр и Филемон. И это
Событие имело для Афин
Большую значимость. И каждый гражданин
Следил, как два соперника сражались
На поприще поэзии. Они
Сражались в праздничные дни
Великих Дионисий и являлись
Источником всеобщего вниманья,
Когда вступали оба в состязанье.
Менандр – комедии был Бог.
И Филемон – поэт – весьма неплох.
У зрителей Менандр имел большой успех,
Но вот в литературных состязаньях
Он был вторым. А Филемон – тот всех
Поэтов побеждал, в наградах весь и в званьях,
Ему – единогласно, без сомнения,
И место первое, и денежная премия.
У Филемона – связи и друзья,
Интриг он мастер несомненный.
Менандр – у того стезя
Другая: каждый стих его нетленный.
Менандру – бурные аплодисменты.
От судей Филемону – комплименты.
На представлениях Менандра – рёв и стон,

Но премию получит... Филемон.
Они столкнулись как-то к носу нос.
С улыбкою задал Менандр вопрос
Поэту «первому»: «Признайся, ты ведь знаешь,
Чем, Филемон, меня ты побеждаешь?
И, если честно, золотом звеня,
Ты не краснеешь, победив меня?»»

Сократ

Метод Сократа

- Сократ, когда ты выбираешь тему
И начинаешь диалог, зачем
Ты задаешь вопросы? Не затем,
Что изобрёл какую-то систему?
Вопрос – ответ, вопрос и вновь ответ.
Для размышления другой системы нет?
Есть монолог, трактат, есть поученье,
Отдельной мысли есть увеличение,
Но множество вопросов... Не пойму:
«Считаешь ли?», «Не есть ли?», «Почему?»,
«Не думаешь ли ты?», «Не стоит ли?» – как стрелы
Из сотни луков, только успевай
Их осмыслять. А ты: «Ну, отвечай!»
Я отвечаю и...
– Что и?
– А то: в пределы
Иные ум уходит мой.
– Так может, он идёт домой,
Куда и должен?
– Вероятно, так.
– Не есть ли дом то место, где приятно?

– Есть.

– И овцу заблудшую, понятно,
Увидеть дома не хороший знак?

– Хороший.

– Значит, ты ответил сам,
Зачем вопросы задавать обязан,
Зачем к вопросам я умом привязан,
Как наши души – к небесам.
Ты о предмете высказал суждение.
Прекрасно, только умозаключение
Твоё не кажется мне верным, и в вину
Тебе не ставлю я ответ твой. В глубину
Копая и влеку тебя с собой.

Ты на крючке, вот ты ввязался в бой,
Ты увлечён, речист, полемикой подхвачен,
Идёшь ты по пути, что мною обозначен.
Мысль формируется, ещё не родилась,
Но с нею у меня установилась связь.

И, как от повитухи роженица
Ждёт помощи, вот так и я родиться
Ей бережно и мягко помогаю.
Ум напрягается твой сильно, понимаю.
Я задаю вопросы. По ответам
Иду во тьму, которой свет неведом,
Но там, во тьме, созревшая, как плод,
Ждёт мысль. Родиться ей черёд
Пришёл, и родилась она в свой срок.
Заметь, мой друг, не я её изрек,
А тот, к кому вопрос мой обращён.

– Мне кажется, Сократ, лев был бы укрощён
Вопросами твоими... А уж мы-то...
– В вопросе грамотном суть мысли скрыта.
«От правильно поставленных вопросов
Зависит вывод», – так сказал философ.

Сократ и гости

– Ксантиппа, жди гостей. Вчера у Агафона
Я на пиру позвал к нам в дом людей.
– Позвал людей!? Да ты злодей! —
Воскликнула сократова матрона. —
Как ты, бесстыжий, мог позвать гостей?
А чем кормить? У нас в подвале
Провизии, как у сома – костей,
А их в соме найдёшь едва ли.
Ответь мне, умник, чем мы потчевать их будем?
Они все знатны, родовиты, и поесть,
Я знаю, любят. Как в глаза смотреть нам людям?
Где твоя нравственность хвалёная и честь?
– При чём здесь нравственность, Ксантиппа?
Смотря какого эти люди типа.
Какой получится, такой дадим обед.
Порядочны – никто из них и не осудит,
А непорядочны – от них нас не убудет:
До непорядочных нам дела нет.

Сократ и задумчивый жених

- Сократ, жениться мне?
- Женись.
- Да, но...
- Так не женись.
- Но я хотел давно...
- Тогда женись.
- Но я, Сократ, боюсь...
- Так не женись.
- Но если не женюсь...
- Послушай, милый мой, вот это «но»,
Что повторяешь ты, оно
Мне говорит предельно ясно,
Что за советом ты пришёл напрасно:
Какое б ты из двух не выбрал дел,
Раскаянье – вот твой удел.

Сократ и Ксантиппа

Среди обширнейшего сада
Из жён, цветущих для мужей,
Цвела жена философа Сократа.
Но лучше б не иметь ушей,
Чтобы не слышать воплей, криков, брани
(Была Ксантиппа мастером тех дел).

Сократ сопел, кряхтел, но всё терпел,
Готовым будучи к тем выходкам заране,
Взывал к её уму, пуская ласки в ход.
Но выходило всё наоборот:
Ксантиппа злилась и ругалась пуще,
А брань и крики становились гуще.
Она – как тигр, Сократ – нежнее лани.
И мудреца спросили как-то в бане
(То был Сократа верный ученик):
«Скажи, Сократ, ты глубоко проник
В суть всех вещей, в суть мира и пространства.
Ты отвергаешь пошлость, глупость, пьянство,
Чтишь нравственность превыше всех Богов.
Ведь ты таков?»
– Допустим, я таков.
– Тогда ответь, ты, что мудрей Эдипа,
Как терпишь ту, что называется Ксантиппа?
Ту, что глупей, пошлей, свирепей всех.
Ведь у людей ты вызываешь смех,
Когда она бранит тебя, щипает,
Рвёт волосы, за бороду таскает,
На голову твою ночной горшок
Вчера надела, а потом мешок
С мукою развязав, обсыпала мукою
Тебя. Как ты живёшь с женой такою?
– О, милый Критобул, ты хочешь знать
Как? Лишь терпеньем можно обуздать
Норовистую лошадь, а терпенье
Оттачивает ловкость и уменье

Животным диким управлять. Моя Ксантиппа...
Сто раз я в день ей говорю «спасибо»
За то, что учит быть всегда в седле.
В грязи ли я, в муке или в золе,
На вызовы её не отвечаю,
А плёткой разума супругу поучаю.
О, Критобул, я не впадаю в гнев.
В покое пребывать, преодолев
Реакции, быть мастером покоя —
Вот свойство мудреца. Вот, что такое
Моя Ксантиппа. Твёрдый оселок,
Чтоб я оттачивать своё терпенье мог.

Сократ и побои

– Сократ, ты мудр. Ты всех людей мудрей.
Пусть ты лишён на голове кудрей,
Пусть некрасив и толст, но ум твой светел,
И равных нет тебе в дискуссиях на свете.
Ты побеждаешь всех. Как лезвие, остёр
Пытливый разум твой, и как костёр,
Что разгорается сильней от веток,
Так вспыхивает ум твой от ответов
На провокационные вопросы.
Они прямые, но ответы – косы.
Вопрос поставлен так, что диспутант
Апломб теряет, гоно́р и талант

Дискуссионный. И в итоге каждый рад
Ответить так, как ты желал того, Сократ.
Иль не желал, но сам пришёл в итоге
К открытию, что лежит в конце дороги.
С противником (так утверждал Платон)
Ты делаешь, что хочешь. Как питон
Гипнозом жертву бедную пронзает,
И та сама к нему покорно подползает,
Так ты противника, исследуя предмет,
Парализуешь парадоксом, и ответ
Его в конце не тот, что был вначале.
И мы, философы, что изучали
Твою методику, нам до сих пор
Неясно многое, и ты – вершина среди гор.
Ты побеждаешь самых сильных. Но...
Не каждому философу дано
Уметь проигрывать. И многим не по нраву
Смешки и хохот, и готовы на расправу
Они с тобой. Да вот на днях
Тебя так палкой отходил Липидий.
И ты пришёл домой в измятом виде,
Весь в синяках и ссадинах. В ногах
Твоих жена валялась, умоляла,
Чтоб в суд ты подал на злодея, но нимало
Тебя не тронула мольба. И нам, друзьям,
Ответил ты, что ты не ходишь по судам.
Но почему, Сократ? Ты выиграешь дело.
– Друзья, вы ставите вопросы неумело.
– Прости, но неумелость наша в чём?

– Возьмём осла...

– Осёл-то здесь при чём?

– Допустим, он лягнул меня копытом,
Подбил мне глаз. Могу я в суд с подбитым
Тем глазом иск подать?

– Сократ, так то – осёл.

– Вот потому я в суд и не пошёл.

Чей аргумент не ум, не мысль, а палка,
Того, поверьте, больше, чем осла мне жалко.

Спартанцы

Прыткий юноша и спартанка

– Спартанка, милая, о, как прекрасна ты!
Я о тебе и день, и ночь мечтаю!
Тебя в своих объятьях представляю.
Твои объятья, прелесть наготы
Твоей, под тонкими покровами, и ласки...
Дай погрузиться в сладость этой сказки
О нас с тобой. Сближение наших тел —
И твой, и мой, красавица, удел.
– О, юноша, когда-то была строже
К таким призывам я, когда была моложе,
Но даже и теперь, преодолев
Тот милый, нежный возраст юных дев,
Я также далека от искушенья.
Но, впрочем, выход есть из положенья
Такого сложного. Черты лица
Твои мне милы. Раньше я отца
Советов слушалась, внимала им. Ему же
Я подчинялась. А теперь я мужа
Советов слушаюсь, внимаю им...
– И что же?
Ты разрешение разделить со мною ложе

Попробуй испросить у мужа.

– Ты о чём?

– Но правда, что он действует мечом

Как ни один спартанец. Если он

Согласье даст, я подчинюсь приказу.

Куда ты, юноша?

– Да надо было сразу...

сказать. Ад побери спартанских этих жен!

Спартанец и скала

Решился как-то раз спартанец со скалы

Левкадской головою вниз бросаться.

Собрал друзей и с ними стал прощаться,

Уставив явствами и винами столы.

– Зачем? – друзья спросили сумасброда.

– Чтоб храбрость доказать свою.

– Не лучше ль доказать её в бою,

Что послужило б пользой для народа?

– Сказал – и брошусь головою вниз.

– Мы знаем, что ты храбр, но ты не птица.

Когда б умел летать... Но твой каприз...

Нет, ты, конечно, сможешь приземлиться,

Но сообщит нам тело, не дыша,

Твоё: его покинула душа.

– Клянусь, что брошусь! Что ж, начну подъём.

– Не поняли, зачем, но мы смотреть пойдём, —

Друзья сказали, вина допивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.